

# ДО СВИДАНИЯ, ДРУГ МОЙ...

Памяти Алексея Габриловича

Незавидаемая газ. — 1995. — 31 окт. — с. 7

Андрей Зоркий

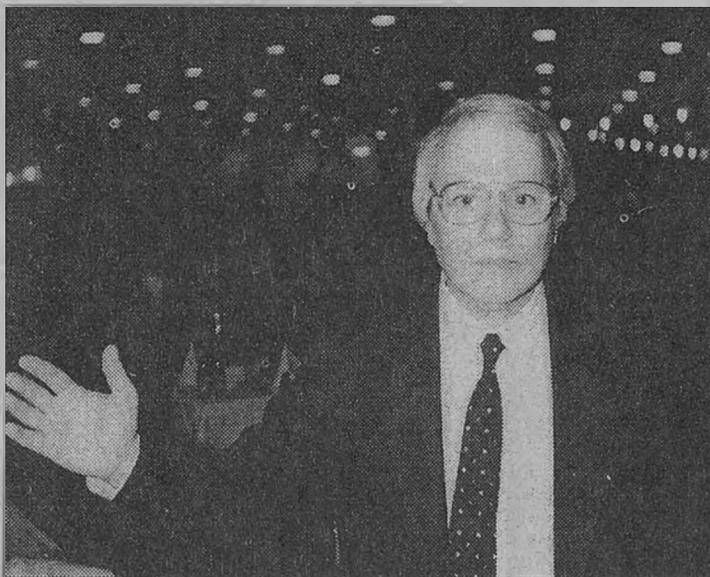
## In memoriam

**П**ЯТЬДЕСЯТ девятая школа в Старокопюшенном напротив канадского посольства. На втором этаже перед дверью в директорский кабинет, сменяясь, как картинки из волшебного фонаря, стоят отпетые хулиганы и двоечники — Павлик Финн с непомерной бляхой на тощем гимнастическом пузе, Алеша Габрилович с лицом падшего ангела и я. Время напряженное, Сталин жив. «Глазами канадского посольства на вас смотрит мировой империализм», — напоминал нам директор школы Давид Натанович Розенбаум. Почему-то мы не боялись Канады. И между прочим, наша медведковская гимназия была последним оплотом царизма, кадеты отстреливались до конца, о чем талантливо рассказал в фильме «Последняя ночь» Алешин отец Габрилович-старший — патриарх русской кинодраматургии, Папа Габр, как все называли его.

Это начало. Как и наши арбатские переулки с ласковыми подворотнями, с докающими патрульными лошадьми, охранявшими нас от банды «Черная кошка». Но не было страшно, как сейчас.

Его дом на Фурмановском с припиленной мраморной доской в честь венгра Мате Залка, отличившегося в Испанской гражданской. Но ведь в этой улочке жил и великий клоун Никулин, и шашка чапаевского комиссара Фурманова валялась в ближнем доме. И главное — балкон к балкону жил в этом доме Михаил Булгаков. Еще молодой Папа Габр вежливо осведомился: «Что вы пишете?» — «Да так, вещдцу одну». Да, Маргарита пролетала на метле над нашими дворами, а в полночь отсюда вывалили в кагэбэшную «эмку» Осипа Манделштама. В этом доме не любили советскую власть, и в Лешиной квартире — тоже... А потом дом громыхнул, ухнул, и на писательских руинах воздвигли светло-кирпичный недоскребец для советских енералов.

Дальше был ВГИК. Alma mater. Пирожки с повидлом в студенческой столовке по 5 копеек. Сейчас даже невозможно представить себе



Алексей Габрилович.

то пятилетие: не время — лоток, промывающий золото. Андрей Тарковский, Василий Шукшин, Александр Митта (на одном курсе), Альгимантас Жебрунас, Эльдар и Георгий Шенгеля, Геннадий Шпаликов, Владимир Валудций, наши красавицы Инна Гулая, Люся Гурченко, Люся Марченко, Софию Чиаурели, Наташа Фатеева... Нет, это не был рождественский календарь с прелестными картинками, а живые мальчики и девочки, полыхавшие талантом, замыслами и обаянием. Какие-то флюиды витали над ВГИКом в отличие от стоявшей напротив — морда в морду — серенькой Высшей партийной школы.

Почему он стал документалистом? Да просто тогда, в начале шестидесятых, невозможно было пробыть к художественным постановкам; не знаю уж, где он подобрал первую пригоршню реального кино, документальной правды с величайшими возможностями монтажа, изобразительной пластики... Он это взял. И направил с плеядой единомышленников на преобразование лживого, топорного, помпезного в эти десятилетия хроникального кино... Работа эта была взрывоопасной. Снял как будто бы невинную картину о Москве (вместе с Визбором и Ильинским), он нарвался на высочай-

ший скандал. Главный наркоман «Останкино» орал: «Нечего с куриной грудью лезть на амбразуру». Грудь оказалась отнюдь не куриной, о чем свидетельствовали десятки непреклонных, нефальшивых картин, обозначивших этап в нашей документалистике. Били? Еще как! По «колочке», как из зоны, мы прорывались с фильмом «О свадьбе, отъезде и любви». Пять пересдач и перемонтировок, потом, наконец, приняли, назначили дату эфира, но, конечно же, ничего не состоялось. Негатив смысла всего-то оттого, что наш герой, председатель колхоза (кандидатуру нам рекомендовали во Владимирском обкоме партии) был евреем. На Владимирщине еврей Гинин проходил, в Останкино — ни-ни. Папа Габр, битый-перебитый, сочувственно смотрел на нас, мать, польская красавица Нина Яковлевна, за обеденным столом напоминала, что не стоит разговаривать, когда ешь рыбу. «Потому что молчание — золото?» Нет, в этом доме не молчали, трудились до седьмого пота, высекая Божью искру кто как умел.

А встретились мы впервые, как соавторы, на фильме «Монолог о Пушкине». Семен Гейченко, домовый из Михайловского и его хранитель, говорил нам, что не снимешь картину, не опрокинув-

шись на полтора года назад в пушкинское время. И самолично запрягал сани, отправляя нас в Тригорское и по дышло утопив лошадку в сутробах. Ночью в Михайловском Гейченко разжигал для нас камин (как при Александре Сергеевиче: «плай, камин, в моей угрюмой келье»), в полночь растворял створы Святогорского монастыря, чтобы отпеть только что прибывшего сюда Пушкина... Этот фильм, десятки раз показанный по ТВ, по моему лучше, что сегодня сказано на экране о Пушкине.

Был в его творчестве, в портретном цикле, запечатлевшем блистательных спортсменов и актеров, врачей, клоунов и литераторов, уникальный фильм «Вспоминая Раневскую». Россыпь интервью, воспоминания самых разнообразнейших людей, встречавшихся с Фаиной. Помню, как до одури спорили мы с младшим Габром о подвиге одного кадра с лимонным деревцем. Мне его монтаж порой казался консервативным. Но, увидев картину, Ней Зоркая сказала, что ее отличает безупречная драматургия, сложившая гармонию разноголосия.

А теперь о том, чем был он особенно знаменит и славен и что в нашем кино, кроме него, не сделал никто. Это эпопея, цикл фильмов — «Книго моего детства», «Футбол моего детства», «Цирк моего детства», «Дворы моего детства» и, наконец, «Бродвей моей юности», оборвавшийся вот сейчас, в октябре, где, горжусь, удостоился сняться и я. Что все это было?.. Лирическое, промеренное десятками изумительных фигур, изложение времени. В фильмах его только окружали друзья, он был не запальчив, потому что писал, снимал о прекрасном сообществе людей, сверстников, шестидесятников, которые не позволяют переломить Россию...

Звание «заслуженного деятеля» ему дали не слишком рано. Циркуляр где-то затерялся, долго тащился по авгиевым конюшням государства. Бумаги пришли. Леша умер.

Но как последнее я возьму в память его простодушный, расположительный, тончайше восприимчивый все коллизии жизни, хот. Как он божественно хохотал! Смейся, мой мальчик, на небе.